

Хоруженко О.И.

Геральдическая традиция потомков князей Фоминских XVII–XVIII в.

Некоторая обособленность фоминских княжат в геральдической традиции среди потомков смоленских князей обуславливалась неясностью в вопросе их происхождения.

В древнейших редакциях родословных книг, Летописной и Румянцевской (в главе смоленских князей), предком фоминских княжат называется князь Константин Фоминский, сын смоленского князя Юрия Святославича. Все сыновья князя Константина звались Федорами. От старшего родословились Травины, от среднего – Карповы, от младшего – Козловские (единственные наследники княжеского титула), Ржевские и Толбугины (*РИИР – Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / Подг. к печати М.Е. Бычкова. М., 1977. С. 26, 40–41, 165–166*).

В обеих редакциях повествуется о женитьбе старшего Федора на великой княгине Евпраксии – оставленной супруге великого князя Симеона Ивановича Гордого, причем в Румянцевской это известие сопровождается подробностями, вероятно, фольклорного происхождения (*Хоруженко О.И. Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских – Травиных: сюжет свадебной порчи // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4. № 3. С. 175–189*).

Хронологическая несообразность родословной легенды Фоминских вполне очевидна. Если князь Константин Юрьевич был сыном смоленского князя Юрия Святославича (уп. 1404, ум. 1407), то он, конечно не мог выступать ни старшим современником Симеона Гордого (1317–1353), ни предком Ржевских, известных источникам XIV в. Анахроничность этой версии происхождения отмечалась в литературе (*Шокарев С.Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец: альманах. М., 2001. Вып. 1. С. 15–24*), но, вероятно, осознавалась и средневековыми книжниками: глава фоминских князей воспроизводилась в родословных книгах обособлено (*Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 179, 181, 183, 186, 189, 192, 198*) и собственно в ней о родстве со смоленскими князьями не говорилось.

С.Б. Веселовский полагал, что Фоминско–Березуйский удел был составной частью Ржевского княжества, и локализовал его в бассейне нижнего течения р. Вагузы, правого притока Волги, и притока Вагузы р. Осуги. В его составе были существующие ныне селения Фоминское (при впадении Осуги в Вагузу), Рогачев (на Осуге), Крюково, Хлепень, Молодой Березуй (между Осугой и Вазугой) и Старый Березуй (справа от Вагузы) (*Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 368*).

Родовые вотчины фоминские князья утратили еще к середине XV в. В докончании великого князя московского Василия Васильевича с польским королем Казимиром (31 августа 1449 г.) указывалось, что «князя Романова Фоминского (ему не нашлось места в родословных росписях фоминских князей – О.Х.) ... братья и братани-

чов отчины, земли и воды, все мое, великого князя Васильево» (*Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. М.-Л., 1950. С. 161–162*).

Во время деятельности в Разрядном приказе Палаты родословных дел (80–90–е годы XVII в.) попытки новых родов приписаться к потомству Константина Юрьевича Фоминского рассматривали в качестве своеобразных арбитров боярин князь Григорий Афанасьевич Козловский, окольный Алексей Иванович Ржевский и дворянин московский Михаил Степанович Травин. Вероятно, эти три рода были наиболее близки между собой среди всех реальных и мнимых потомков князей Фоминских. Помимо консолидированной позиции в вопросе о приписных родах, следует отметить брак княжны Агриппины Григорьевны Козловской (р. 1674 г.) с комнатным стольником Михаилом Алексеевичем Ржевским (ок. 1665–1696 гг.) (*Телетова Н.К. История рода Ржевских / Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 381*).

В монографии 2013 г. мы предположили, что начало самобытной геральдической традиции фоминских княжат восходит к печати боярина князя Г.А. Козловского, наиболее высокопоставленного представителя этого рода (*Хоруженко О.И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. М., 2013. С. 137*). На его печати (рис. 1) изображался орел с неким нечетко прорисованным предметом в лапах (луком?). Источником этого изображения, возможно, выступал нашлемник польского герба Ястржембец (*Jastrzębiec*), где орел держал в лапах подкову с крестом, очертания которой напоминали лук с натянутой стрелой (рис. 2). Внимание именно к этому гербу могло объясняться тем, что им пользовался, в числе прочих, нетитулованный род Козловских.

Для изготовления дворянского диплома лейб–кампанец Григорий Яковлевич Травин (1751 г.) представил в Герольдию проект своего дипломного герба. На нем был изображен стреляющий из лука орел, держащий в клюве три стрелы. Щит покрыт княжеской шапкой, окружен наметом, под щитом девизная лента без надписи (рис. 3).

Рис. 1.
Печать кн. Г.А. Козловского
1691 г. (*Снимки древних русских
печатей / сост. Ф. Бюлер.
М., 1880. С. 92*).

Рис. 2.
Герб Ястржембец (*Paprocki V.
Gniazdo snoty. Krakow, 1578.
S. 36*).

Рис. 3.
Проект дипломного герба
Г.Я. Травина 1751 г.
(прорисовка по:
*Борисов (Ильин) И.В. Родовые
гербы России. М., 1997. С. 48*).

К настоящему времени обнаружены свидетельства того, что Г.Я. Травин вовсе не выступал автором оригинальной композиции, а строго следовал уже вполне сложившейся в середине XVIII в. традиции.

Наиболее ранней печатью, содержащей такой герб, является печать архангелогородского воеводы Василия Андреевича Ржевского на документе от 4 июля 1704 г. (РГАДА. Ф. 160. 1704. № 1. Л. 25 об.). Она оттиснута на красном сургуче, диаметр 23 мм. Здесь в пальмовом венке под княжеской короной изображен орел–лучник, держащий в клюве две или три стрелы. Фигуру сопровождают инициалы ПВР (Печать Василия Ржевского) (рис. 4).

От 6 июля 1708 г. сохранилась печать брянского коменданта Ивана Ивановича Ржевского (РГАДА. Ф. 160. 1708. № 25. Л. 5 об.). Печать овальная, 20×19 мм, оттиснута на красном сургуче. Здесь орел обращен в обратную сторону, более четко прорисованы три стрелы в клюве. Композиция вписана в геральдический щит под шлемом с наметом и перьями, с левой (геральдически правой) стороны щит держит страус, аист или иное пернатое (рис. 5).

Печать полоцкого коменданта, капитана Никиты Тимофеевича Ржевского (16 мая 1710 г.) оттиснута на красном сургуче, представляет собой овал 10+12×19 мм (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 11. Л. 652 об.). Герб помещен здесь в барочном картуше под княжеской короной (рис. 6).

Поручик морского флота Михаил Петрович Травин в 1714 г. использовал круглую печать, диаметром 22 мм. Она оттиснута на черном сургуче, вероятно, в связи с трауром по царевне Феодосии Алексеевне (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 21. Л. 459 об.). У орла в клюве здесь одна стрела, корона дворянская.

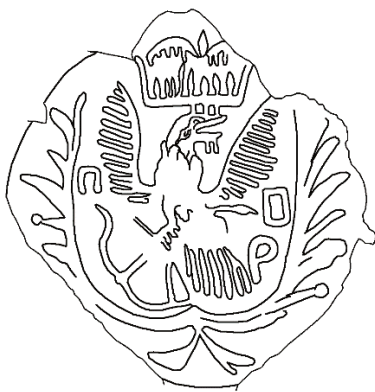

Рис. 4.
Печать В.А. Ржевского 1704 г.
(РГАДА. Ф. 160. 1704.
№ 1. Л. 25 об.).

Рис. 5.
Печать И.И. Ржевского 1708 г.
(РГАДА. Ф. 160. 1708.
№ 25. Л. 5 об.).

Рис. 6.
Печать Н.Т. Ржевского 1710 г.
(РГАДА. Ф. 9. Отд. II.
№ 11. Л. 652 об.).

Рис. 7. Печать М.П. Травина
(РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 21. Л. 459 об.).

Вероятно, лейб–кампанец Г.Я. Травин был представителем последнего поколения потомков Фоминских князей, которое еще отказывалось от использования общепризнанных территориальных эмблем, указывавших на их происхождения от смоленской ветви Рюриковичей и последовательно придерживалось собственной оригинальной версии герба. Возможно, Фоминские понимали свой герб как своеобразную эмблему легендарного Фоминского княжества.

В дипломный герб Г.Я. Травина, несмотря на его пожелания, фигура орла–лучника не вошла. Здесь происхождение Травина символизировала «в серебряном поле пушка черная на станке того ж цвету, окованном золотом и поставленном на зеленой подошве щита с старинною короною красного цвету над помянутою пушкою в вершине щита» (ОПИ ГИМ. Ф. 388. Д. 237. Л. 2 об.; *Тройницкий С.Н. Гербы лейб–компаний обер и унтер офицеров и рядовых. Пг., [1914]. С. 363–364*), т.е. композиция, восходящая к смоленскому гербу.

Печати представителей рода следующего поколения, зарисованные Анисимом Титовичем Князевым к 1785 г., демонстрируют склонность к компромиссу с принятыми для родов княжеского происхождения принципами построения их гербов.

А.Т. Князев зафиксировал гербовую печать генерал–поручика Павла Матвеевича Ржевского (1734–1793 гг.) и два варианта печати действительного тайного советника Алексея Андреевича Ржевского (1737–1804 гг.). В гербе П.М. Ржевского, разделенном горизонтально на две части, верхнюю часть занимает фигура орла–лучника. Нижняя часть, поделенная вертикально, содержит в правом поле «знамя» смоленское (пушку с птицей), а в левом – киевское. Щит окружен военными трофеями и поддерживается двумя грифонами (рис. 8).

В первом варианте герба А.А. Ржевского находятся те же фигуры, что и в гербе П.М. Ржевского, но они расположены иначе. Правую половину щита занимает киевская эмблема, левую нижнюю – смоленская, а левую верхнюю – орел, стреляющий из лука. Здесь он держит в клюве три стрелы. На щите установлен дворянский шлем. Герб покрывает мантия с княжеской короной. Во втором варианте фигуры расположены в необычном, опрокинутом острием вверх щите. В верхней части – смоленская эмблема в польском варианте (т.е. знамя), в нижней – орел. Лука в лапах у него не

видно, но в клюве он держит стрелу. Рядом с щитом в картуше инициалы «А.Р.». Вся композиция помещена на мантии, увенчанной дворянским шлемом с княжеской короной на нем. Мантия окружена лавровым венком.

Поскольку А.Т. Князев располагал лишь оттисками печатей, то предлагаемая им раскраска в большинстве случаев была произвольной. На печати П.М. Ржевского и втором варианте печати А.А. Ржевского орел располагается в серебряном поле, на первом варианте печати А.А. Ржевского – в золотом.

Ю.Б. Иверсен опубликовал жетон, выбитый в честь некоего генерала Ржевского (надпись на оборотной стороне жетона: «Son excellence Mr. le général Rzewsky»), идентифицировав его с братом владельца печати, срисованной Князевым, генерал-поручиком Степаном Матвеевичем (1732–1782 гг.) (*Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1883. Т. 2. С. 150–151, Табл. 30, № 7*). На лицевой стороне жетона выбит герб Ржевских. Он полностью совпадает с вариантом герба на печати Павла Матвеевича. В верхней части щита изображен орел со стрелами в клюве. Его ноша прорисована неразборчиво, но очертаниями напоминает лук. Щит покрыт каской, окружен трофеями и двумя орденскими лентами с крестами на них и поддерживается двумя грифонами. Фигура орла-лучника помещена на поле, усеянном точками, что символически должно изображать золотое поле.

Рис. 8.
Печать П.М. Ржевского
(Гербовник Анисима
Титовича Князева 1785 г.
СПб., 1912. С. 128, № 379).

Рис. 9.
Печать А.А. Ржевского
(Гербовник А.Т. Князева.
С. 128, № 380).

Рис. 10.
Печать А.А. Ржевского
(Гербовник А.Т. Князева.
С. 128, № 381).

Рис. 11.
Жетон С.М. Ржевского

В составе Общего гербовника дворянских гербов Всероссийской империи были утверждены гербы Ржевских (1798 г.) и двух родов Карповых (1800 и 1816 гг.), вероятно, не связанных реальным родством с князьями Фоминскими (*Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Части I–X (1562 герба). М., 2009. С. 265–266, 502*). Эти гербы содержат только смоленскую эмблему.

Авторитет Общего гербовника должен был прервать самобытную геральдическую традицию потомков Фоминских князей. Тем не менее, есть основания полагать, что среди князей Козловских старый герб бытовал вплоть до конца XIX в.

В составе двенадцатой части Общего гербовника (23 мая 1882 года) был утвержден герб князей Козловских: «Щит четырехчастный с малым щитком в центре, в котором помещен герб великого княжества Смоленского: в серебряном поле стоящая черная пушка на золотом лафете, а на пушке сидит райская птица. В правой верхней и левой нижней частях герб великого княжества Киевского: в лазуревом поле стоящий ангел в сребротканной одежде, имеющий в правой руке обнаженный серебряный меч, а в левой золотой щит. В левой верхней и правой нижней частях герб великого княжества Черниговского: в серебряном поле черный одноглавый коронованный орел с длинным серебряным крестом в правой лапе, закинута на левое плечо, с распростертыми, поднятыми вверх крыльями. Гербовой щит увенчан княжеской серебряной короной с золотыми украшениями; под короной три шлема. В нашламниках повторены эмблемы гербов: киевского – в первом, черниговского – во втором и смоленского – в третьем. Щитодержатели – два серебряных единорога. Намет – середина лазуревая с серебром, края черные с серебром. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско–княжескою шапкою» (*Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 238*).

Присутствие на гербе князей Козловских смоленской и киевской эмблем оправдывается их происхождением от киевских князей через их смоленскую ветвь. Черниговская эмблема с позиций генеалогии здесь инородна, поскольку князья Козловские никакого отношения к черниговской ветви Рюриковичей не имели. Следует полагать, что черниговская эмблема на гербе князей Козловских представляет собой переосмысленный самобытный герб этого рода – орла–лучника.

Таким образом, самобытная геральдическая традиция потомков князей Фоминских уверенно отмечается с начала XVIII в. и до конца этого столетия; предположительно она возникла к 1691 г., и в каких–то формах просуществовала до 1882 г.